

“тьфу мне на эти звания”

401 СТР

Как бы вы сформулировали — что такое товстоноговский актер? Я думаю, это зерно находится как раз в том, о чем я говорил. Артист, которого что-то волнует в жизни, — это и есть товстоноговский артист. Им могли нравиться совершенно полярные вещи, они могли по-разному относиться к окружающей действительности, но это были артисты-единомышленники. Они были нацелены на создание правды. Мы никогда не ставили пьесы, допустим, Кочетова или Софронова. В качестве компромисса иногда брались пьесы таких авторов, как Корнейчук. Но на базе пьесы Корнейчука «Гибель эскадры» было создано другое, самоценное произведение.

Вы пришли в театр совсем молодым человеком. Что в вас изменил Товстоногов как в актере и как в личности? Профессия и личность неразделимы. Я понимал прекрасно, что для выполнения тех задач, которые ставит передо мной Товстоногов, надо собрать все силы и напряженно работать. На ширмачку у Товстоногова ничего получиться не могло. Недаром спектакли Товстоногова подвергались ostrакизму со стороны властей, хотя никаких фигов в кармане у нас не было.

Что вам сегодня доставляет больше огорчений в жизни? То, что происходит в стране, или то, что имеет отношение к театральной профессии? Например, когда с вашим родным театром случается что-то не то...

Конечно, когда «не то» происходит с театром, то это обидно и настораживает. Но у нас в театре и «то» происходит, и «не то». БДТ — живой организм, в котором радости сменяются печалью и наоборот. Вот прошел вчера спектакль удачно, какие-то два-три места в роли получились — и ты уже счастлив. Когда нет — уходишь опустошенный и понимаешь, что вечер потерян зря. Что касается страны, то мне трудно авторитетно судить, потому что я, как и все рядовые граждане, лишен доступа к информации. Могу сказать только о своих ощущениях. Мне кажется, что все те неприятности, которые мы сейчас испытываем, пытаются исправить посредством закручивания гаек. Меня это очень настораживает. Конечно, необходима дисциплина и выполнение закона, но закручивать гайки в нашей стране очень опасно. Я, как и вы, жил в Советском Союзе, где тайная полиция под названием КГБ делала все, чтобы удержать этот режим от распада и пресечь любое инакомыслие. Гайки были закручены дай бог как. Но несмотря на это пар рванул, и государство перестало существовать. Мы что, хотим, чтобы и с Россией то же самое случилось? Мне кажется, для дальнейшего нашего пути надо искать совсем другие средства, а не диктаторско-тоталитарные. Сто сорок миллионов человек живут в нашей стране. Управляет ими небольшой процент людей, а остальные сидят в трясины и им на все наплевать, потому что они думают, что от них ничего не зависит. Чем это может кончиться? Тем же, чем в Римской империи. Наука, культура, искусство, юриспруденция — все это создал Рим. А рухнула империя потому, что большинство ее жителей были рабами. Там не было гражданского общества. То же самое относится и к Древней Греции, и к Византии.

Почему же лично вы не пытаетесь сегодня принять участие в управлении страной, не пытаетесь прямо повлиять на ситуацию, как в конце 1980-х?

А как это сделать? Сейчас приняты все меры для того, чтобы такого не случилось. Выборы по одномандатным округам намереваются вовсе отменить, а я когда-то был избран как одномандатник. В моем округе баллотировалось 12 человек, и я до сих пор очень горжусь своей победой, потому что среди моих соперников были и очень достойные люди. Сделано все, чтобы оппозиционные партии не попали в Думу, сделано все, чтобы Госдума принимала те решения, которые созревают наверху. Это все приводит к тому, что люди говорят: «Нам все равно с этим ничего не поделаешь. Так что пошли они все подальше! Будем заниматься своими делами». Многие даже приветствуют закручивание гаек, потому что считают, что от этого будет больше порядка. Но к каждому человеку миллионные не приставились. Видимо, через исторические этапы перепрыгнуть все-таки невозможно, видно, такая у России судьба. Россия сделала решительный шаг вперед во время революции 1991 года, многое изменила, а сейчас идет попытка реставрации. Такова судьба всех революций. Главное, чтобы пар, который впоследствии вырвется в результате закручивания гаек, не слишком рванул. Потому что если будет сильный взрыв, Россия этого больше не выдержит.

У вас не осталось никаких разочарований от вашего депутатства? Вы уверены, что сделали все так, как надо, и не допустили никаких ошибок?

Ну, были, конечно, и ошибки. Например, мы не успели пропустить через Верховный совет закон о театре.

Не кажется ли вам, что нынешняя театральная система — мертвая и окостеневшая?

А какова была система при царе? Помимо Малого и Александринского театров, все остальные были частными. И Художественный в том числе. А на какие деньги, я вас спрашиваю, они существовали?

Например, на деньги Саввы Тимофеевича.

Точно! И у каждого театра был свой Савва Тимофеевич. А почему же Савва Тимофеевич так жертвовал на театр? Ну, допустим, Савва Морозов просто любил театр и даже мечтал что-то играть — спасибо ему большое за это. А другие театры? Сколько их было по Руси! И в Киеве, и в Москве, и в Нижнем Новгороде. Как-то же они все существовали! Что же мы сейчас делаем вид, что настал конец театру?

Все так, но только большинство репертуарных театров есть рудимент, оставшийся от советской эпохи. Театры, в том числе и БДТ, существуют на грошовые подачки от государства, и это не дает им нормально развиваться.

Театр в сталинское время был одним из инструментов, который доказывал главенство

Олег Басилашвили: «Артист не может быть необразованным человеком! Ну разве что гений...» Фотограф: Валерий Плотников

коммунистической идеологии. Сейчас театр должен играть какую-то другую роль в обществе, он должен будить в людях что-то человеческое. Колхозы под названием «театры» постепенно перестают существовать в том виде, в каком они были раньше. Мы в комиссии по культуре в свое время очень много думали об этом и пытались разделить театры на государственные и частные. Мы пытались выстроить финансовую зависимость коммерческих театров, которые делают ставку на всякую развлекательную чепуху, и некоммерческих серьезных театров. Если театр получает большие прибыли, ставя спектакли на потребу широкой публике, то он должен делиться с некоммерческими театрами. Но этот закон так и не был принят. Откуда взять меценатов, которые готовы жертвовать деньги на театр? Необходимо их заинтересовать. Мы предприняли кое-какие шаги и даже приняли закон, согласно которому та часть прибыли, которая жертвуется на культуру, не облагается налогом.

Да, но только это привело к созданию системы так называемых «откатов». Просто надо было время реформы дальше, а не останавливаться. Мы остановились. Вот и пошли «откаты».

Я недавно беседовал с Зинаидой Шарко, и она сказала, что 33 года, которые она отдала товстоноговскому БДТ, пролетели для нее как один миг счастья. У вас схожие ощущения? И если да, то как вы ощущали себя потом, когда Товстоногов умер и счастье кончилось? Не могу отвечать за Зинаиду Максимовну, но я думаю, что она все-таки немножко кривит душой и слишком обобщает. Конечно, работать в театре Товстоногова было счастье. На спектакли Товстоногова специально приезжали из Москвы, стояли в очередях ночами, жгли костры, устраивались в театр уборщицами, чтобы иметь возможность ходить на премьеры. Но на этом фоне личная судьба каждого складывалась по-разному. Бывали и трагедии. С одной стороны, это счастье — быть в таком театре, но с другой — величайшее несчастье, когда проваливаешь роль в спектакле. Плохо сыграл роль — что может быть большей трагедией в жизни? Все достигалось гигантским трудом. Когда Георгий Александрович ушел от нас, БДТ, конечно, без него постепенно стал другим театром. Но если бы сейчас к нам пришел, скажем, Станиславский или Вахтангов, они выстроили бы театр, который кардинально отличался бы от старого. Я очень благодарен Кириллу Лаврову, который после ухода Товстоногова взял на себя бремя по художественному руководству БДТ и не позволил опуститься планке требований, которые предъявлялись к театральному искусству в этих стенах. Требуемость осталась прежней, а результаты... Ну, может быть, результаты какие-то иные — хуже, лучше, не мне судить. Но критерии остались прежними: «хорошо» это по-прежнему «хорошо», а «плохо» это по-прежнему «плохо». Мы находимся на сломе эпох. Необходи-

мо, уходя оттуда, не оставить то, что было хорошим, и не забыть в прошлом главные ценности — порядочность, нравственность, любовь, бесребреничество... Перетянуть их в будущее. Ради этой цели я, собственно, и занимался созданием моей телепрограммы «С потолка».

Вы верите в то, что нехороший, непорядочный человек не может быть хорошим актером?

Одно дело — быт, а другое — творчество. Но, в общем, должен сказать, что я почти никогда не встречал людей, которые были бы омерзительными, но в то же время замечательными актерами, талантливыми художниками.

Про Мейерхольда, например, говорят, что он был не слишком хорошим человеком.

Ну что значит нехороший? Что в нем плохого? Наверное, только то, что у него еврейский нос. Хотя на самом деле он немец. Что он, детей в подвале пытал, что ли? Может быть, он был жесток, он кричал, увольнял, но во имя идеи!

Да, но наступал на людей.

Можно подумать, что Товстоногов не делал того же самого! Он был очень мягкий человек, но иногда был крайне жесток во имя того, чтобы существовал БДТ. Один наш артист как-то пришел на спектакль, где он играл главную роль, не совсем трезвый. Ну рюмку водки выпил. И попался на глаза Товстоногову, который проходил мимо. «Вы что, выпили?» — спросил Георгий Александрович. «Да, — говорит, — рюмочку. Но у меня сегодня день рождения». Товстоногов ничего не сказал, вышел, и тут же по театру объявили: «Бвиду болезни актера такого-то спектакль отменяется». Актер был тут же уволен. Это что, не жестокость?

Но, с другой стороны, рассказывают и про Евгения Лебедева, который, когда играл Рогожина в «Идиоте», чтобы справиться с жажимом, выпивал тайком от всех перед выходом на сцену по 200 граммов коньяка.

Я тоже об этом слышал, хотя лично Лебедев мне этого не рассказывал. Могу сказать про себя, что если хоть каплю алкоголя выпью, то я уже не я. Я не могу отвечать за свои поступки на сцене. Это уже не «я», а что-то рядом находящееся.

Олег Валерианович, а какая ваша главная актерская слабость? Что более всего мешало в театре? Что мучило? Отсутствие очень четкой, конкретной гражданской позиции.

Это вы-то говорите?

Да, я говорю. (Пауза.) Некая мягкость в отношении к жизни. Это мне всегда мешало. Грубо говоря, рабское начало, которое сидит во мне, как и в каждом из нас. Антон Павлович Чехов правильно говорил, что надо выдавливать из себя по капле раба. В ком-то больше рабского начала, в ком-то меньше.

Олег Басилашвили — Газете

А как это проявляется на сцене?

Вот мы с вами сейчас сидим и не можем до конца сказать друг другу всю правду — потому что мы рабы, как бы мы ни считали себя свободными. Ни вы, ни я. И ваша газета никогда не напишет всю правду, хотя я с большим уважением отношусь к Газете, она мне очень нравится. Пока наше общество не выйдет из состояния рабовладельческого сознания, до тех пор у нас ничего не получится. Что касается актера, то его беспокоит роль только тогда, когда у него есть четкая осознанная позиция. Он должен понимать, что такое хорошо, а что такое плохо. Тогда при слове «плохо» он может зарыдать, а при слове «хорошо» взлететь до небес. Если ты равнодушен в жизни, то равнодушие перейдет и на сцену. Такой актер может считаться хорошим: все правильно делает, но вот только зачем — непонятно. Но бывают и другие актеры. Ну, возьмем в пример Смоктуновского. Он никогда не декларировал никакой политической и общественной позиции, но она у него была. Ему было необходимо высказаться в своих ролях как можно более точно! И поэтому он стремился приобрести то мастерство, которое позволило бы ему высказаться как можно более точно и быть понятым зрителями. А жесты, движения, мимика — это все, знаете ли, не важно.

Пина Бауш говорила: «Мне не важно, как движется актер. Мне важно, что им движет».

Вот! Абсолютно правильно! Твое самочувствие в этом мире должно быть четким. Не зря в студии Художественного театра, которую я, к счастью, закончил, на первом плане были общеобразовательные дисциплины. Артист не может быть необразованным человеком! Ну разве что гений... Артист должен знать, кто такой Шекспир, кто такой Гете, что такое «Илиада»... Он все должен знать, и тогда у него складывается мировоззрение. Интеллект питает душу. Бывает, конечно, исключения. Вот Паша Луспекаев, который знал довольно мало. Но у него все от Бога, он гений... У него все это было заложено в эмоциональной памяти. Он выходил, и казалось, что он Гегеля наизусть знает. Но таких крайне мало. Может, один на миллион, а может, и на десять миллионов.

Вы никогда не жалели, что выбрали актерский путь? Вы же живописью в молодости занимались...

Жалел, конечно, и не раз. Актер — очень зависимая профессия. От многих обстоятельств. От везения, от режиссера, от публики, от партнеров, от быта... Художник может себе позволить быть независимым, а актер — нет. Перед тобой сидит публика, и каждый раз ты создаешь заново все то, что художник делает только один раз в жизни, а потом представляет свою работу на суд публики. На сцене должны быть живые взаимоотношения, должна быть эмоция! Ведь это же так страшно, когда в зале сидит полторы тысячи человек, а ты выходишь один на сцену. Это ужасная профессия.

Еще ужаснее, наверное, когда ты осознаешь, что играешь в не очень хорошем спектакле. А такое неизбежно случается у любого актера, каким бы талантливым он ни был.

Да, конечно. Но спектакль-то в первую очередь зависит от тебя. Пускай режиссер что-то не так сделал, все равно ты за все в ответе. Вот в чем кошмар-то весь. Я уж не говорю об обидах, о разочарованиях, о подлых статьях в газетах. С утра до ночи ты занят, к тебе все время кто-то приходит и задает глупые вопросы. Ну вот я получил звание «Народный артист СССР». Мне что, эту табличку на задницу повесить? Да, первые пять дней приятно. Думаешь: как жаль, что мама умерла и не застала того времени, когда я стал народным артистом СССР. Ну и что дальше? Ну народный. Выхожу я с этим званием на сцену, а рядом играет великий комик Николай Трофимов, который только заслуженный. Мне же было стыдно смотреть ему в глаза! Ведь он артист в миллион раз лучше, чем я! А я народный. К счастью, я был в комиссии по культуре и у меня были знакомства в комиссии по наградам, так что сделали мы Николаю Николаевичу звание народного артиста СССР. Мне иногда смешно в газетах читать: «замечательный артист Петров играет Дядю Ваню, а средняя артистка Иванова играет роль такую-то». Бред это все! Лучше просто: в спектакле заняты Станиславский, Качалов, Леонидов, Книппер-Чехова. Все, я иду. А кто они по званию? Да тыфу мне на эти звания! Когда Качалов шел на репетицию в Художественный театр, все прохожие снимали шляпы. Вот это и есть народный артист.

родом из коммуналки

Олег Валерианович Басилашвили — по рождению москвич, хотя и отдал большую часть своей жизни Петербургу. Олег Басилашвили родился 26 сентября 1934 года, а вырос в обычной московской коммуналке. Окончив в 1956 году Школу-студию МХАТ, несколько лет прослужил в Ленинградском театре имени Ленинского комсомола, а в 1959 году оказался вместе со своей тогдашней женой Татьяной Дорониной в труппе БДТ имени Горького. Играл в легендарных товстоноговских спектаклях «Варвары», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Горе от ума», «Энергичные люди». В кино много снимался в фильмах Эльдара Рязанова («Служебный роман», «О бедном гусаре замолвите слово», «Вокзал для двоих» и др.), играл в картине Георгия Данелии «Осенний марафон». В 1990 году был избран народным депутатом РФ, входил в парламентскую фракцию «Радикальные демократы». Народный артист СССР, лауреат Госпремии СССР. Женат, имеет двух дочерей. Продолжает играть в БДТ, ведет программу «С потолка» на телеканале «Культура».